

НА ДАЧЕ

Одно лето мы жили на даче в Мельничном Ручье. Несколько семей наших родственников в складчину снимали веранду, собирали вместе всех детей и женщины по очереди по две недели нас пасли. В тот год нам досталась широкая, продуваемая насквозь веранда в большом доме, где было еще несколько квартирников. Дачу окружал старый запущенный сад и большой огород. Только уж очень неприятный был хозяин – сутулый, вечно небритый мужик, прихрамывавший то на левую, то на правую ногу. Иногда, работая на огороде, он забывался, и хромота пропадала вовсе.

Хозяин ютился в сараюшке, а весь дом сдавал. Дачникам разрешалось ходить по саду только в две стороны: в туалет к заднему забору и к калитке. Шаг в сторону рассматривался как покушение на хозяйскую собственность, и квартирантам в тот же день отказывали. Все дети были строго предупреждены о правилах движения.

Хозяин жил один, сам управлялся с огородом и еще торговал в городе на рынке. Бабки злословили по поводу холостяцкой жизни хозяина и утверждали, что никогда не найдется дуры батрачить на этого куркуля.

Его недолюбливали все и в поселке называли не иначе как Красавчик Смит – по имени отрицательного героя повести Джека Лондона «Белый клык». Хозяин полностью оправдывал свою кличку и был для нас детей средоточием трусости, жестокости и подлости.

Во-первых, он не был на войне, может по болезни, но для нас детей в те послевоенные годы это было бесспорным проявлением трусости.

Во-вторых, у него был крупный цепной пес по кличке Джек, которого днем он запирали в сарае, чтобы не покусал дачников, а ночью выпускали охранять огород. Сарай, где в дневные часы в заключении томился Джек, стоял возле тропинки, ведущей к туалету, и мы часто просовывали в щели между досками кусочки хлеба. Пес с благодарностью лизал нам пальцы горячим шершавым языком. Утром и вечером Красавчик заходил в сарай кормить Джека. Что он там с ним делал, остается на его совести, но из сарая по всей округе разносился такой жалобный визг и лай, что

хватало за сердце. Однажды на улице я слышал, как бабка Дарья сказала: «Опять мучает собаку, фашист!»

В-третьих, когда Красавчик возвращался из города и шел по улице, то старался забить куда-нибудь в крапиву наш самодельный тряпочный мяч или давил кирзовыми сапогами песочные куличики моих сестренок.

Обычно мы играли в футбол на широкой пыльной улице около дома. В тот день нам посчастливилось играть настоящим резиновым мячом – красно-синим, упругим и звонким. Такой мяч был в те годы большой редкостью и ценностью и обладал им худенький и бледненький мальчик Игорь, которого приводила к нам с государственных дач его нянька. Как мы потом узнали, Игорь был сыном генерала и страдал врожденным пороком сердца. Мальчику не разрешали бегать. Он с радостью и завистью следил за нашей игрой.

Большого упоения, чем та игра в футбол, я еще не испытывал. Мяч был упругий и далеко отлетал от ноги, не то что наш тряпичный. Не рассчитав боковую передачу, я так сильно ударил, что мяч неожиданно перелетел через забор и запрыгал по грядкам, беспощадно сминая дорожную клубнику. Эту ягоду я пробовал в жизни дважды: один раз тетя купила у соседки на всех два стакана, а в другой раз нас угостили ворованной клубникой местный деревенский мальчишка Витюха. На нашу беду на улице показался Красавчик с пустыми корзинами в руках. Он еще издали увидел, как мяч перелетел его забор, и, забыв про хромоту, помчался к калитке. Швырнув корзины под яблони, хозяин схватил у поленницы топор и бросился на грядки к мячу. С первого удара мяч благополучно отскочил в сторону, но зато Красавчик с хрястом разрубил пополам куст клубники. Еще несколько яростных беспорядочных ударов, сопровождаемых злобной руганью, не достигли цели. Мы приникли к щелям забора, с замиранием сердца ожидая рокового удара. Хозяин устал гоняться за прытким мячом и уже вытоптал значительную часть грядки. Тогда он повернулся к нам, и я на всю жизнь запомнил его искаженное злобой лицо с оттопыренной нижней губой, обнажавшей редкие до желтизны прокуренные зубы. Красавчик мед-

ленно повернулся к мячу и хладнокровно с одного удара разрубил его пополам.

Жалобный вздох издал разрубленный мяч. Красавчик поднял его и перебросил к нам через забор. Кто был поменьше, заплакал навзрыд, мальчика Игоря нянечка увела еще раньше, чтобы не волновать. На высоте оказался один Витюха, крикнувший Красавчику: «Фашистская морда!» – и запустивший в него ком земли, который запорошил пылью его глаза.

Я просто задохнулся от обиды и злости и способен был, наверное, убить этого гада, если бы со мной был мой браунинг. Пистолет я выменял у Витюхи за перочинный нож. Браунинг был настоящий, но настолько проржавевший, что в ствол не влезала даже спичка, ничего в нем не разобралось и не двигалось, спусковая скоба не шевелилась, но я начистил его речным песком, и он смотрелся в руке очень внушительно.

Первым моим желанием было побежать в туалет, достать спрятанный там браунинг, навести ствол на Красавчика и, подражая Витюхе, крикнуть: «Руки вверх! Фашистская морда!» – и увидеть в его глазах страх.

Понятно, что у меня отберут браунинг, нас выселят с дачи и, может быть, тетку будут таскать в милицию, но Красавчик должен быть наказан!

Я помчался по дорожке к туалету и, закрывшись на крючок, вскарабкался на горизонтальную перекладину. Встав на цыпочки, с трудом дотянулся до светового окошка, расположенного над дверью, где на узкой полочке и хранился мой браунинг. Схватив пистолет, я хотел спрыгнуть вниз, но потерял равновесие и чуть не сорвался. Пальцы мои случайно задели осиное гнездо, висевшее прямо над полочкой и охранявшее драгоценный клад. Вылетевшие осы несколько раз больно ужалили меня в руку, но я стерпел и не выпустил браунинг. Кисть распухла и горела от боли.

«Вот если бы эти осы ужалили Красавчика, – подумал я, да не куда-нибудь, а в голый зад!». Тут у меня в голове мелькнул интересный план, но ярость помешала мне сосредоточиться и обдумать его как следует.

Потуже затянув веревку на штанах, я засунул за нее браунинг и решительно направился к даче.

У дома и на улице кипели страсти. Из-за забора кричали дети и бабки обзывали хозяина фашистом и извергом. У крыльца Красавчик требовал от моей тетки, чтобы она со своим выводком немедленно съехала, а куда – это его не интересует!

Я подошел сзади к Красавчику и изготовился, но он как почувствовал опасность и шмыгнул в дом. Я за ним, но Красавчик так быстро бегал, туда сюда, что не давал мне возможности его пугнуть. А когда я всё-таки зашел к нему с тыла и крикнул: «Руки вверх!» – то он просто не обратил на меня внимания и пробежал как мимо пустого места. Я обиделся до слез, но быстро успокоился и решил, что «нет худа без добра» и теперь мой браунинг останется при мне.

По моему замыслу именно осиное гнездо должно было стать орудием возмездия, и я решительно направился к своему чемодану. Все готовились к переезду, и на меня никто не обращал внимания. На этой даче нам и так осточертело, и вопрос о переезде стоял давно. Нас удерживало только то, что хозяину было уплачено вперед за две недели. Тетка уже присмотрела в поселке комнату дешевле и лучше этой веранды.

Пока все бегали и суетились, я достал из своего фанерного чемоданчика моток крепких суровых ниток, из которых надеялся когда-нибудь сделать удочку и ловить рыбу, и отправился к туалету. Балансируя на одной ноге, я с небольшим трудом закрепил петлю на шаткой дощечке, на которой висело осиное гнездо, а клубок ниток выкинул наружу в дырку от выпавшего сучка в доске задней стенки. Когда я вышел из туалета и проходил мимо сарая, меня учуял Джек и сразу заскулил.

К вечеру мы переехали на дачу в самом конце этой же улицы. Так и не разобрав вещи, мы целый вечер обсуждали, как починить мяч, но, увы, он был разрублен на две половинки. Наконец, мои друзья разошлись по домам, а мы легли спать все вместе поперек матраса. Тетка накрыла нас одним большим лоскутным одеялом. Я решил лечь с краю, чем вызвал общее удовольствие моих братьев и сестер.

Спал я плохо, просыпался от каждого шороха. Как

только затеплился рассвет, в комнате у хозяев зазвенел будильник. Многие жители поселка работали в городе и уезжали первым поездом.

Я выскользнул из под одеяла, надел штаны и рубашку и осторожно, чтобы не скрипнуть половицей и случайно не разбудить чутко спящую тетку, прокрался на крыльцо веранды.

Утро было прохладное и росистое. Солнце еще не взошло, но высокие легкие облака уже пламенели в бледной синеве, а верхушки сосен замерли в ожидании первого прикосновения солнечного луча. Роса алмазными блестками искрилась в траве и холодом щекотала босые ноги.

По лесной тропинке я отправился к туалету Красавчика. Подернутая росой пыль, днем такая мягкая и теплая, а сейчас скользкая и холодная, сразу прилипла к ногам, а корни деревьев, как нарочно, задевали за пальцы. Я осторожно подкрался к задней стенке туалета и ко мне бросился Джек, которого еще не засадили в сарай. Он был очень умный и не лаял, а только лизал мне руки и отчаянно вилял пушистым хвостом. Жалко было, что не захватил с собой хлеба.

На крыльце появился хозяин и направился к туалету. По пути он запер Джека в сарай. Я подкрался к забору и намотал на палец конец нитки. Когда стало ясно, что Красавчик зашел в туалет надолго, я несколько раз дернул за нитку.

Вначале ничего такого не произошло, и даже не слышно было скрипа качающейся доски, на которой висело осиное гнездо. Затем раздался отчаянный звонкий вопль, потом вой и снова вопль. Мощный удар, второй, третий и выбитая дверь туалета плашмя упала на тропинку. Красавчик полусидя, поддерживая руками спущенные штаны, тяжело, как динозавр, запрыгал по двери, громыхая кирзовыми сапогами. Он упал на дорожку и, продолжая кричать, покатился по клубнике.

Я развернулся и что есть духу помчался по тропинке к дому.